

Э 68
102637

„Содружельскій Кружокъ“ при Педагог. Музей В. З. З. въ С. П. Б.

Энциклопедія

Семейнаго
Воспитанія
и
Слученія.

ВЫПУСКЪ XXIV.

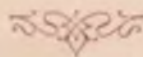
П. В. Каптеревъ.

ИДЕИ

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ВОСПИТАНІИ

ВЪ

КЛАСИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

1900.

„ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ“

Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ институтовъ и гимназій и для учительскихъ библиотекъ народныхъ училищъ, а также допущена въ бесплатныя народныя читальни.

Учебнымъ Комитетомъ Советской Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрена для фундаментальныхъ библиотекъ и библиотекъ педагогическихъ курсовъ и классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Ведомства учреждений Императрицы Маріи.

Выпуски „Энциклопедіи“ выходятъ не периодически и не въ порядкѣ объявленной программы, а по мѣрѣ ихъ изготовленія. Складъ выпусковъ „Энциклопедіи“ для отдѣльной продажи находится при книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., д. № 28.

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ ВЫШЛИ:

- 1-й выпускъ. П. Ѳ. Каптеревъ. Задачи и основы семейнаго воспитанія. Ц. 30 к.
- 2-й выпускъ. Алексѣй Н. Острогорскій. Семейныя отношенія и ихъ воспитательное значеніе. Ц. 30 к.
- 3-й выпускъ. И. О. Фесенко. Городъ и деревня въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей. Ц. 25 к.
- 4-й выпускъ. П. Ѳ. Каптеревъ. О дѣтскихъ играхъ и развлеченіяхъ. Ц. 30 к.
- 5-й выпускъ. И. О. Фесенко. Награды и наказанія въ семейномъ воспитаніи. Ц. 25 к.
- 6-й выпускъ. П. Ѳ. Каптеревъ. О дѣтской подражательности. Ц. 30 к.
- 7-й выпускъ. Ело же. Основныя начала семейнаго обученія. (Дидактика семьи). Ц. 30 к.
- 8-й выпускъ. Н. С. Карювъ. Капризы и раздражительность дѣтей. Ц. 30 к.
- 9-й выпускъ. Пр.-доц. П. Я. Розенбахъ. Наслѣдственность. Ц. 30 к.
- 10-й выпускъ. К. В. Ельницкій. Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе. Ц. 30 к.
- 11-й выпускъ. В. В. Поворинская. Дѣтскій садъ и огородъ. Ц. 25 к.
- 12-й выпускъ. Н. Н. Переселенцева. Семейное воспитаніе въ Финляндіи. Ц. 30 к.

(Продолженіе на 3 стр. обложки).

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ
СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ XXIV.

ИДЕИ

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ВОСПИТАНІИ

ВЪ

КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

П. Ф. Каптерева.

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТН БИБЛИОТЕКА

Редакторъ П. Каптеревъ.

Завѣдывающій изданіемъ *Алексѣй Альмедименъ*.

Адресъ редакціи: СПБ., Моховая, д. 1, кв. 6.

№ 102637

41(03)
-68

+ 03:37

ЛИТЕРАТУРНЫЯ УКАЗАНИЯ.

Педагогическая теорія *Платона* изложена главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ Государство (кн. V, II, III и VII) и О законахъ. (разг. VI, VII и II).

Педагогическая теорія *Аристотеля* изложена въ сочиненіяхъ Этика (пер. Радлова, СПб. 1887 г. кн. X) и Политика (пер. Сквиринова. Москва. 1893 г. кн. IV и V). Специальное сочиненіе Аристотеля о воспитаніи дѣтей до насъ не дошло.

Платарха сочиненіе О воспитаніи дѣтей см. въ немецкомъ изданіи Universal Bibliothek Reclam's übersetz. von Götting.

Квинтилиана De institutione oratoria (преимущественно 1 кн. гл. I, II, III и XIV) см. французскій переводъ, вмѣстѣ съ латинскимъ текстомъ въ Bibliothéque latine-française Oeuvres complètes de Quintilien, edit. Charpentier.

О практикѣ греко-римскаго воспитанія см.:

Уссангъ, Воспитаніе и обученіе у грековъ и римлянъ. Перев. Новошвенный. СПб., 1878.

Магаффи, Древне-греческая жизнь. Пер. Стратилатова, СПб. 1879.

Уэлькенсъ, Древне-римская жизнь. Пер. Стратилатова, СПб. 1880.

Векъ-де-Фукьеръ, Цѣры древняхъ. Пер. Иванова. Кіевъ, 1877. Вып. 1.

Breznik, Erziehung und Unterricht bei den Griechen. 1883.

Его-же, Erziehung und Unterricht bei den Römern zur Zeit der Könige und des Freistaates. 1884.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 іюля 1900 года.

Типографія М. М. Стасюковича. Васильевскій Островъ, б ливія. д. № 28.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ ИДЕЙ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ВОСПИТАНІИ.

Идея о первоначальномъ воспитаніи въ классической древности.

I.

Воспитаніе по своей сущности есть дѣятельность, вполне естественная, такъ какъ, несомнѣнно, что даже и животныя воспитываютъ своихъ дѣтенышей, т.-е. кормятъ ихъ, оберегаютъ отъ опасностей, приучаютъ къ соответственнымъ движеніямъ—летанію, лазанію, бѣганію, сообщаютъ нѣкоторые частные приемы нападенія на врага, защиты отъ него, добыванія пищи и т. п. Но воспитаніе въ человѣческомъ смыслѣ слова есть культурная дѣятельность, опирающаяся на развитіе обществности, матеріальной обезпеченности, нравственныхъ и умственныхъ успѣховъ человѣчества. Вслѣдствіе своего глубоко культурнаго характера, воспитаніе совершается подъ преимущественнымъ вліяніемъ тѣхъ учреждений, которыя создаетъ культура, которыя составляютъ самымъ важнымъ ся приобрѣтенія. Исторія культуры есть исторія развитія и воспитанія всего человѣчества, и воспитаніе отдѣльнаго человѣка есть исторія усвоенія имъ главнѣйшихъ культурныхъ приобрѣтеній человѣчества, есть пе-

реживание, въ сокращенномъ и облегченномъ видѣ, всего того, что пережило человѣчество въ цѣломъ за все время своего существованія.

Матеріальное обезпеченіе, семейный союзъ, государство, созданіе болѣе или менѣе обособленныхъ профессій и вмѣстѣ сословія, религіозно-церковная жизнь, наука, искусство—вотъ самыя главныя и существенныя пріобрѣтенія человѣчества. Подъ ихъ вліяніемъ и развивалась воспитательная дѣятельность, къ ихъ усвоенію и направлялось воспитаніе. Если мы бросимъ общій взглядъ на исторію воспитанія у разныхъ народовъ и въ разные времена, то замѣтимъ преобладаніе различныхъ воспитательныхъ типовъ. А сущность этихъ типовъ опредѣляется значительнымъ перевѣсомъ одного какого-либо изъ главнѣйшихъ созданий культуры надъ другими: семья (въ Китаѣ), религія (у древнихъ евреевъ), государство (въ Персіи) и т. п. Въ христіанскую эпоху господствовали тѣ же типы, но только не въ такой опредѣленности и рѣкости, какъ въ дохристіанское время, такъ какъ съ распространеніемъ христіанства и европейскаго просвѣщенія и учащеніемъ сношеній между народами взаимныя международныя вліянія и взаимствованія сдѣлались гораздо значительнѣе, чѣмъ прежде.

Первоначальное воспитаніе совершается въ семьѣ и въ особо созданныхъ для того учрежденіяхъ. Поэтому для выясненія себѣ тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основѣ первоначальнаго воспитанія, слѣдуетъ обратиться къ исторіи семейнаго воспитанія и къ исторіи заведеній для воспитанія маленькихъ дѣтей. Изученіе непосредственно семейнаго воспитанія въ различные времена и у различныхъ народовъ встрѣчаетъ большія трудности: очень часто недостаетъ пухлаго матеріала; постановка семейнаго воспитанія непрерывно измѣняется, такъ какъ она неравнѣрно связана съ строемъ и условіями жизни семьи, а послѣдняя никогда не остается *statu quo*. Поэтому чрезвычайно трудно представить картину послѣдовательныхъ измѣненій семейнаго воспитанія у того или другого народа. Болѣе прямой и короткій путь къ выясненію основъ первоначальнаго воспитанія заключается въ изученіи теорій, созданныхъ въ различ-

ное время и у разныхъ народовъ о первоначальномъ воспитаніи дѣтей. Теорія и практика извѣстнаго дѣла неразрывно связаны, теорія не съ неба падаетъ, а есть лишь систематическое и критическое изложеніе давнихъ соотвѣтствующаго опыта, съ прибавленіемъ указаній, какъ бы, по мнѣнію творца теоріи, этотъ опытъ нужно было улучшить, поставить его болѣе твердо, разумно и стройно. Въ каждой теоріи просвѣчиваетъ практика дѣла, безъ обстоятельнаго усвоенія опытныхъ данныхъ ни одна, сколько-нибудь состоятельная, теорія существовать не можетъ. Въ частности, каждая теорія о первоначальномъ воспитаніи есть своего рода домострой, въ которомъ практика первоначальнаго воспитанія описана прекрасно. Конечно, въ каждой теоріи есть личный элементъ ея творца, нѣчто индивидуальное. Но это обстоятельство имѣетъ свое удобство, такъ какъ изъ теорій можно узнать не только фактическую постановку извѣстнаго дѣла, но и чаянія и ожиданія лучшихъ людей даннаго времени и народа по предмету теоріи.

Такимъ образомъ, для выясненія руководящихъ началъ первоначальнаго воспитанія, мы прибѣгнемъ къ изученію теорій о первоначальномъ воспитаніи и исторіи специальныхъ заведеній, назначенныхъ для воспитанія маленькихъ дѣтей.

Наша европейскія науки ведутъ свое ближайшее и непосредственное происхожденіе отъ грековъ и римлянъ. У нихъ же мы находимъ и первые очерки педагогическихъ теорій, въ частности и теорій о первоначальномъ воспитаніи дѣтей. Обращаясь къ исторіи этихъ послѣднихъ, мы можемъ различить два періода въ ихъ развитіи въ древнее время: періодъ непосредственной связи педагоги съ философіей, когда вопросы воспитанія, наравнѣ со многими другими, разсматривались лишь какъ часть философій и разрабатывались выдающимися греческими философами, и періодъ нѣкотораго обособленія педагоги отъ философій, ея нѣкоторой самостоятельности, хотя и при ея близкихъ связяхъ съ другими частными науками, главнымъ образомъ съ наукой о нравственности и риторикой. Въ первый періодъ теоріи первоначальнаго воспитанія носятъ явный философскій, умозрительный характеръ, во второй онѣ

отличаются большею практичностью и примѣнимостью къ жизни. Мы возьмемъ изъ каждаго періода по два представителя: изъ перваго Платона и Аристотеля, изъ втораго Плутарха и Квинтилиана.

II.

Платонъ (427—347 до Р. Хр.).

Платонъ былъ абсолютный государственный педагогъ, онъ полагалъ, что въ дѣлѣ семейной жизни и воспитанія все должно быть предписано государствомъ. Уже самое количество браковъ должно быть опредѣляемо государствомъ, чтобы государство, по возможности, было и не велико и не мало по населенію. Затѣмъ, свойства брачующихся, ихъ возрастъ, ихъ поведение въ бракѣ, тотъ періодъ времени, въ который мужчинамъ и женщинамъ разрѣшается пронаводить дѣтей, чтобы дѣти были здоровыя и сильныя, а не хилыя—все это предписывается государствомъ. Для наблюденія за вступающими въ бракъ, чтобы они жили согласно интересамъ государства, а не по своему личному желанію, избираются особыя женщины-надзирательницы, которыя посѣщаютъ молодыхъ женатыхъ людей и преподаютъ имъ надлежащіе совѣты относительно брачной жизни. За неисполненіе преподаваемыхъ совѣтовъ виновные подлежатъ наказаніямъ. Женщины-надзирательницы должны ежедневно собираться въ опредѣленномъ храмѣ и сообщать одна другой свои замѣчанія. Воспитываются лишь здоровыя, крѣпкія дѣти, родившіяся отъ хорошихъ родителей; дѣти слабыя, съ тѣлесными недостатками, скрываются въ тайномъ и неизвѣстномъ мѣстѣ. вскармливаются дѣти, по распоряженію государства, особыми кормилицами, помѣщенными отдѣльно въ извѣстной части города; матери также приходятъ кормить дѣтей, но нужно принять мѣры къ тому, чтобы ни одна изъ нихъ не знала своего дитяти. Государство опредѣ-

ляетъ кормилицамъ часы бодрствованія, отдыха и всякаго труда *)).

Во главѣ всего воспитательнаго дѣла въ государствѣ ставится одно избранное лицо, не моложе 30 лѣтъ, и непременно отецъ семейства. Эта должность важнѣйшая въ государствѣ, такъ какъ во всемъ растущемъ первый возрастъ, направляемый согласно законамъ природы, есть основаніе будущихъ успѣховъ. Если человѣкъ, при хорошихъ природныхъ свойствахъ, получаетъ правильное воспитаніе, то онъ дѣлается самымъ хорошимъ и гуманнымъ существомъ; а безъ воспитанія или съ худымъ воспитаніемъ онъ бываетъ лютейшимъ изъ всехъ животныхъ, какихъ производитъ земля. Поэтому законодатель долженъ считать воспитаніе дѣтей первымъ и важнѣйшимъ предметомъ своего попеченія.

Надлежащее питаніе есть существенное условіе тѣлеснаго и духовнаго развитія дѣтей, а для правильнаго питанія необходимо движеніе. Послѣднее, помогая питательности пищи и питья, доставляетъ здоровье, красоту и крѣпость. Поэтому дѣтямъ, даже самымъ маленькимъ, необходимо какъ можно больше двигаться, пусть они постоянно пребываютъ какъ бы въ плаваніи, качиваемыя кормилицами, пусть они съ вниманіемъ и днемъ и ночью, носятъ ихъ, пока они сами не могутъ ходить, въ поле, къ храмамъ или къ роднымъ и притомъ наблюдаютъ, чтобы младенцы не повредили себѣ какого-либо члена излишнимъ напряженіемъ. Движеніе полезно и для души: неутомимыхъ дѣтей успокаиваютъ качаніемъ и грѣсен-

*) Государство, книга V. Въ сочиненіяхъ «Государство» и «О законахъ» по преимуществу содержатся педагогическія воззрѣнія Платона. По существу, эти воззрѣнія одинаковы, но есть и разница между ними. Въ «Государствѣ» Платонъ является болѣе строгимъ государственнымъ, тѣмъ въ «Законахъ». Такъ въ «Государствѣ» онъ прямо зашикаетъ мысль объ общности женъ—такъ чтобы ни одна женщина не жила ни съ однимъ отдѣльнымъ мужчиной,—и дѣтей, такъ чтобы ни одно дитя не являло своего родителя и родитель своего дитяти (кн. V). Въ «Законахъ» этой мысли нѣтъ. Другое различіе то, что въ «Законахъ» говорится о воспитаніи дѣтей вообще, въ «Государствѣ» о воспитаніи дѣтей воинскихъ.

ками; при леченіи изступленныхъ душевно-больныхъ пользуются въ некоторой мѣрѣ пльскою и пѣніемъ. При воспитаніи нужно избѣгать двухъ крайностей: изнѣженности и суровости. И та, и другая неудобны, создавая нравы грубые, раздражительные или вякіе и человѣко-ненавистныяческіе. Чѣмъ рѣже допускаютъ дѣти до болѣзней, страха и печали, тѣмъ ирѣиѣ дѣлаютъ сердце его благороднымъ и кроткимъ. Но, впрочемъ, при воспитаніи дѣтей не должно ни гоняться за удовольствіями, ни избѣгать совершенно огорченій, но любить середину, которую можно назвать веселостію. Нужно постепенно отучать дѣтей отъ изнѣженности, исправлять ихъ, не наказывая. чтобы не вызывать ожесточенія. Каждый возрастъ—трехлѣтній, четырехлѣтній, пяти и шестилѣтній—имѣетъ свои забавы и удовольствія. Въ обществѣ товарищей дѣтскія игры роятся сами собой, дѣти сами себя находятъ забавы. Весьма полезно всѣхъ дѣтей отъ трехъ до шести лѣтъ собирать въ мѣстныхъ храмахъ, по селеніямъ или сколоткамъ. Няни наблюдаютъ за поведеніемъ собравшихся дѣтей и предупреждаютъ дерзости: надъ нянями же и надъ всѣми собравшимися дѣтьми поставляются 12 женщинъ-надзирательницъ. На каждый округъ назначаются одна такая надзирательница, исполняющая обязанности своей должности въ течение года. Надзирательница ежедневно приходитъ въ храмъ и сама, съ помощью городскихъ служителей, наказываетъ нарушителей порядка, раба и рабыню, чужестранца и чужестранку; гражданка же, сопротивляющаяся наказанію, приводитъ къ градопачальнику. До шести лѣтъ мальчики и дѣвочки играютъ вмѣстѣ, послѣ шести же лѣтъ оба пола разлучаются, мальчики занимаются съ мальчиками, а дѣвочки съ дѣвочками *). Въ играхъ дѣти могутъ научиться многому и весьма простымъ образомъ: можно

*) Въ «Государствѣ» Іки. V) Платонъ прямо вставляетъ на общихъ занятіяхъ женщинъ съ мужчинами въ palestra гимнасткою, а гимнастическія упражненія проваивались въ Греціи безъ всякой одежды. Въ «Законахъ» онъ прямо не высказываетъ такой мысли, но тѣмъ не менѣе доказываетъ необходимость для женщинъ заниматься воинскими упражненіями (разг. VII).

заставлять ихъ дѣлать между собою шлоды, вѣнки, считать игрушки, знакомить съ устройствомъ военныхъ становъ, движеніями войска, хозяйствомъ и т. д.

Игры имѣютъ большое вліяніе на прочность или непрочность законовъ. Если есть твердыя правила въ играхъ, если дѣти всегда и вездѣ навываютъ играть однимъ постояннымъ образомъ и увеселяться одними и тѣми же забавами, тогда и важныя постановленія остаются неизмѣлимыми. Но если игры по прихоти оставляются, вновь вводятся, измѣняются, если все обычное въ образѣ, шутѣ, наружности измѣняется, то вмѣстѣ измѣняются и нравы мношества, старое становится у него преврѣненнымъ, а новое уважается. Обыкновенно полагаютъ, что измѣняющіяся игры мношества не имѣютъ никакихъ вредныхъ послѣдствій: но на самомъ дѣлѣ измѣнчивость игръ влечетъ склонность къ измѣнчивости законовъ, что гибельно для государства. Поэтому пѣсни и пляски должны быть установлены закономъ и вопреки народнымъ и священнымъ пѣснямъ, вопреки установленнымъ пляскамъ, никто не долженъ дерзнуть ни пѣть, ни плясать по-своему.

При первоначальномъ воспитаніи дѣтей слѣдуетъ обратить вниманіе на одинъ дурной обычай, поддерживаемый нянями и кормилицами, именно недостаточное развитіе лѣвой руки, пренебреженіе ею. Правая и лѣвая рука—обѣ по-своему участвуютъ въ каждой ручной работѣ, тогда какъ мы не замѣчаемъ большаго различія въ дѣйствіяхъ другихъ членовъ. Поэтому о развитіи лѣвой руки слѣдуетъ прилагать столь же серьезныя попеченія, какъ и о развитіи правой.

О свойствахъ дѣтства вообще Платонъ былъ не высokaго мнѣнія: дитя изъ всѣхъ живыхъ существъ самое неукротимое, оно лукаво, алобно, какъ звѣрь, расположено къ обидамъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ скрытъ зародышъ разума, который еще не развитъ: потому должно держать дѣтей въ крѣпкихъ удилахъ. Всякій свободный человѣкъ можетъ наказывать раба, дитя, надвирателя, учителя, если замѣтитъ, что они погрѣшаютъ. Законоблоститель, избранный для управленія воспитаніемъ дѣ-

тѣй, быстрымъ окомъ усматриваетъ свойства дѣтѣй и направляетъ ихъ-нравы къ добру, согласно съ законами *).

Изъ предметовъ первоначальнаго нравственнаго воспитанія дѣтѣй особенное вниманіе Платонъ обратилъ на сказки и мифическія сказанія о богахъ, богиняхъ и разныхъ достоуважаемыхъ герояхъ древности. Эти мифы очень рано рассказывались греческимъ дѣтлѣмъ, они выросли на нихъ и провикались тою моралью, тѣми нравственными воззрѣніями, которыя было вложено въ мифы. А между тѣмъ въ мифическихъ разсказахъ боги были изображены слишкомъ человѣкоподобными, со всѣми страстями, недостатками, соперничествомъ и ложью, свойственными людямъ. Платонъ находилъ неудобными такіе разсказы и потому полагалъ необходимымъ внушить матерямъ и кормилицамъ, чтобы онѣ разсказывали дѣтямъ съ строгимъ выборомъ матеріала и отказывалась бы отъ передачи большинства тѣхъ мифическихъ сказаній, которыя онѣ имѣютъ обыкновеніе сообщать. Въ разсказахъ дѣтямъ нужно руководиться слѣдующими началами: не сообщать ничего, противорѣчащаго высокому понятію о Божествѣ, изображающаго боговъ преданными разнымъ страстямъ и порокамъ, ничего несогласнаго съ нравственными убѣжденіями и подрывающаго чувство мужества (что особенно важно при воспитаніи воиновъ). Разсказы, передаваемые дѣтямъ, должны, напротивъ, содѣйствовать развитію въ нихъ чувства и стремленія къ истинѣ, къ справедливости, и укрѣплять разсудительность. Вообще первое воспитаніе совершается при помощи музъ и Аполлона.

*) Въ «Государствѣ» (кн. VII) содержится слѣдующее мѣсто о чело-
вѣческой природѣ: «Есть въ насъ съ дѣтства начала справедливаго и
прекраснаго: подлѣ ихъ вліяніемъ мы воспитываемся, какъ бы подлѣ
чуждаго родителя, повинувая и уважая ихъ. Есть и другія, про-
тивная имъ, требованія, удовольствія, астиція нашей душѣ и влекуція
ее къ себѣ, но не убѣждающія людей совершить-якобы благонамѣренныхъ,
которыя уважаютъ отеческое и этому повинуются».

III.

Аристотель (385—323).

Аристотель въ своей педагогической теоріи является по существу такимъ же государственнымъ, какъ и Платонъ, хотя и не доходитъ до тѣхъ крайнихъ выводовъ, до какихъ дошелъ Платонъ. «Мы становимся хорошими, благодаря законамъ», утверждаетъ Аристотель. Законодатель же всего болѣе, по мнѣнію Аристотеля, долженъ заботиться о воспитаніи юношества, потому что отъ невниманія къ этому дѣлу страдаетъ самое политическое устройство государства. Воспитаніе всѣхъ гражданъ, въ виду единства цѣли государственной дѣятельности, должно быть одно, и оно должно быть дѣломъ общественнымъ, а не частнымъ, чтобы каждый не воспитывалъ и не училъ своихъ дѣтей, какъ и чему задумается. Образование общественныхъ дѣятелей должно быть дѣломъ общественнымъ, и никто изъ гражданъ не долженъ считать себя принадлежащимъ себѣ самому, но всѣ, напротивъ, должны считать себя принадлежащими государству. Если каждый гражданинъ есть только часть государства, то попеченіе о каждой части цѣлаго, естественно, должно идти рука объ руку съ попеченіемъ о цѣломъ. Въ этомъ отношеніи нельзя довольно нахваляться лакедемонянами за то, что они придаютъ столь большое попеченіе о дѣтяхъ, притомъ векутся о нихъ общими усиліями. Итакъ, касательно воспитанія дѣтей должны быть опредѣленные постановленія закона, самое же воспитаніе должно быть дѣломъ общественнымъ. Чтобы стать хорошимъ человекомъ, нужно получить хорошее воспитаніе и привычки, нужно проводить жизнь въ хорошихъ занятіяхъ и не дѣлать ни прозявольна, ни противъ воли ничего дурного: все это возможно только тогда, когда человекъ живетъ по извѣстному предписанію разума и правильному распорядку, имѣющему силу. Однако власть отца не имѣетъ ни достаточной силы, ни принудительности,—не имѣетъ ея вообще никогда имѣть одного

лица, если это лицо не будетъ царемъ или кѣмъ-либо подобнымъ; законъ, напротивъ, имѣетъ принудительную силу, ибо онъ есть положеніе, вытекающее изъ размышленія и разума. Людей, которые противодействуютъ нашимъ стремленіямъ, мы ненавидимъ, хотя бы они и поступали правильно: законъ же, опредѣляющій дозволенное, не можетъ быть ненавидимъ.

Сообразно съ такимъ взглядомъ, законодатель, по мнѣнію Аристотеля, долженъ опредѣлить условія брачнаго союза, именно возрастъ брачующихся, срокъ для самого дѣторожденія, такъ какъ дѣти слишкомъ молодыхъ особъ бываютъ слабы и тѣломъ и духомъ, а дѣти очень старыхъ супруговъ обыкновенно вовсе безсильны. Число дѣтей въ каждомъ бракѣ также должно быть опредѣлено закономъ, — а рожденіе лишннихъ дѣтей должно быть предупреждено принятіемъ соответственныхъ предохранительныхъ мѣръ.

Общій ходъ первоначальнаго и дальнѣйшаго воспитанія представляется въ слѣдующемъ видѣ: душа и тѣло суть два различные элемента въ составѣ человѣка: въ самой душѣ слѣдуетъ различать двѣ части: неразумную и разумную. Свойства первой — пожеланія, свойство второй — умъ. Какъ тѣло, по своему происхожденію, существуетъ раньше ума, такъ неразумная часть души обваруживается прежде разумной частью. Склонности, желанія и даже сильныя хотѣнія присущи уже дѣтямъ, а рассудокъ и умъ развиваются въ человѣкѣ вмѣстѣ съ возрастомъ. Поэтому первоначальныя воспитательныя заботы должны быть направлены на тѣло, а не на душу, вѣтъмъ на пожеланія души. Но, заботясь объ образованіи естественныхъ желаній, слѣдуетъ имѣть въ виду разумъ, какъ и самое образованіе тѣла соразмѣрять съ интересами души.

Въ частности первоначальное воспитаніе—до трехъ лѣтъ—должно быть поставлено слѣдующимъ образомъ: употребляемая дѣтьми пища оказываетъ огромное вліяніе на развитіе и укрѣпленіе ихъ тѣла. Изъ наблюденія какъ надъ животными, такъ и надъ тѣми народами, которые заботятся объ образованіи крѣпкаго тѣлосложенія, оказывается, что молочная пища особенно пригодна для укрѣпленія тѣла дѣтей. Пищу съ примѣсью вина,

во избѣжаніе равныхъ происходящихъ отъ нея болѣзней, слѣдуетъ давать дѣтямъ въ наименьшемъ количествѣ. Кроме того, для укрѣпленія тѣла дѣтей полезны нѣкоторыя движенія, какія только можно допустить въ такомъ раннемъ возрастѣ. Но чтобы дѣти не повредили при этомъ своихъ нѣжныхъ членовъ, полезно употреблять нѣкоторыя механическія приспособленія, удерживающія тѣло отъ опаснаго для него наклоненія. Равнымъ образомъ полезно съ малыхъ лѣтъ приучать дѣтей къ холоду: такое приученіе способствуетъ здоровью и подготавливаетъ въ будущемъ выносливаго воина. Поэтому у нѣкоторыхъ варваровъ существуетъ обычай тотчасъ послѣ рожденія погружать дѣтей въ холодную воду, а у другихъ—завертывать новорожденнаго лишь въ легкія покрывала. Вообще къ чему можно привыкнуть, къ тому лучше начинать приучать съ дѣтскаго возраста, такъ, чтобы съ теченіемъ времени постепенно развивать эту привычку. Тѣло дѣтей, вслѣдствіе большой теплоты ихъ организма, по самой природѣ своей способно къ перенесенію холода.

Въ слѣдующемъ возрастѣ—до пяти лѣтъ,—когда изъ опасенія повредить росту дитяти его нельзя еще принуждать къ ученію или къ какому-либо необходимому въ жизни труду—слѣдуетъ заставлять дѣтей дѣлать нѣкоторыя движенія, чтобы уничтожить неповоротливость тѣла. Эти движенія необходимо соединять съ разными дѣтскими занятіями и играми, при чемъ нужно наблюдать, чтобы дѣтскія игры не были недостойны людей свободныхъ, слишкомъ азартны и утомительны. Нужно обращать также вниманіе на дѣтскія сказки, и вообще на тѣ рѣчи, которыя доходятъ до дѣтскаго слуха. Всѣ упражненія дѣтей должны готовить ихъ къ будущимъ занятіямъ. Поэтому и дѣтскія игры должны походить на будущія занятія. Запрещать дѣтямъ крикъ и плачь не слѣдуетъ, то и другое, доставляя упражненіе тѣлу, полезно для ихъ развитія. Какъ задержка дыханія доставляетъ трудящимся новую силу, такъ тоже самое бываетъ и съ дѣтьми, когда они напрягаются во время крика и плача. Нужно принять мѣры къ тому, чтобы дѣти были какъ можно менѣе въ обществѣ рабовъ и удалитъ отъ

дѣтскихъ глазъ все оскорбительное для ушей и глазъ свободнаго человѣка. Дѣти не должны ни сами ничего говорить и ничего не должны слышать отъ другихъ дурного.

Въ послѣдній періодъ первоначальнаго воспитанія—до семи лѣтъ—дѣти должны наглядно ознакомились съ тѣмъ, что придется имъ изучать впоследствии. Въ семь лѣтъ кончается первоначальное воспитаніе; оно все совершается въ семьѣ, дома.

IV.

Общая характеристика взглядовъ Платона и Аристотеля.

Теоріи Платона и Аристотеля о первоначальномъ воспитаніи дѣтей суть первыя научныя теоріи по этому предмету. Естественно, что мы не можемъ надѣяться встрѣтить въ нихъ подробную систематическую разработку вопроса; по самому существу дѣла, первыя теоріи могутъ быть только легкими очерками, болѣе или менѣе отрывочными замѣтками о томъ, что повдѣе развивается широко и многообразно. Теоріи Платона и Аристотеля таковы и на самомъ дѣлѣ.

Прежде всего, въ нихъ отсутствуетъ психологическая точка зрѣнія, нѣтъ психологическихъ характеристикъ дѣтства, указанія его особенностей сравнительно съ другими возрастами (у Аристотеля есть краткое указаніе по этому предмету). У обоихъ философовъ психологическая точка зрѣнія замѣняется государственной. Государственность воспитанія проведена такъ далеко, что въ настоящее время рѣшительно поражаетъ. Брачная жизнь прямо считается государственнымъ обязательствомъ и, по мысли Платона, безбрачныхъ холостяковъ, перешедшихъ за извѣстный возрастъ, слѣдовало бы подвергать ежегодной денежной пенѣ. Личность объявляется прямо и всецѣло принадлежащею государству, не имѣющею права на жизнь по своему вкусу и желанію, на воспитаніе дѣтей по своему усмотрѣнію. Все опредѣляетъ и узаконяетъ государство, не исключая

дѣтскихъ пѣсенъ, игръ и тѣхъ разсказовъ и сказокъ, которыми явни забавляютъ своихъ маленькихъ питомцевъ и питомицъ.

Такое строгое и послѣдонательное проведеніе въ педагогической теоріи государственнаго начала, вмѣсто психологическаго, есть, несомнѣнно, отчасти личная особенность поименованныхъ двухъ мыслителей: во, кромѣ личныхъ свойствъ, здѣсь сказался еще и обще-греческій характеръ воззрѣній на отношеніе между государствомъ и личностью. У грековъ личность не была такъ свободна и самостоятельна по отношенію къ государству, какъ у насъ, она должна была во многомъ, съ нашей точки зрѣнія, касающемся лишь ея, подчинять свои личные интересы государственнымъ. Не говоря уже про дорійцевъ, у которыхъ государственное начало прямо подавляло личное, но и у іонянъ и у другихъ греческихъ племенъ государственность также имѣла весьма большое значеніе. Греческія воззрѣнія на другія стороны государственной жизни и государственнаго устройства также отличаются отъ нашихъ весьма значительно. Такъ, греки были убѣждены, что въ очень многочисленномъ государствѣ хорошее законодательство невозможно. Поэтому греческіе законодатели заботились о томъ, чтобы государство не было населено ни слишкомъ густо ни, наоборотъ, слишкомъ рѣдко, чтобы государство не было слишкомъ обширно, а масса обитателей государства должна быть такова, «чтобы ее легко было окинуть взглядомъ». Само собою разумѣется, что такое воззрѣніе побуждало смотрѣть на брачными парами, чтобы онѣ чрезмѣрно не размножались, и дѣлать на этотъ счетъ соотвѣтствующія постановленія.

Несмотря на строго государственную точку зрѣнія, придававшую односторонній характеръ всѣмъ разсужденіямъ Платона и Аристотеля о первоначальномъ воспитаніи дѣтей, въ ихъ теоріяхъ встрѣчаются очень мѣткія замѣчанія. Такъ, педагоги, защищавшіе теорію государственнаго воспитанія малолѣтнихъ дѣтей, придавали большое значеніе свойствамъ родителей въ интересахъ имѣющихъ родиться у нихъ дѣтей. Поэтому они согласно настаивали, чтобы при вступленіи въ

бракъ наблюдались правила о возрастѣ, о происхожденіи брачующихся и предписывали, по государственнымъ соображеніямъ, некоторые гигиеническіе совѣты относительно брачной жизни. Въ развитіи маленькихъ дѣтей весьма важное значеніе имѣютъ движенія и игры, поэтому нужно доставлять ихъ дѣтямъ въ возможно большемъ количествѣ. Въ частности игры должны готовить къ будущимъ занятіямъ. Дѣтей нужно тщательно охранять отъ безнравственныхъ разсказовъ, рѣчей, устранять отъ нихъ всякіе соблазнительные факты и дѣянія, потому что дѣти, слушая нечестивые разсказы, присутствуя при соблазнительныхъ сценахъ, проникаются соответственными возрѣніями и тѣмъ существенно вредятъ своему нравственному развитію. Такъ какъ въ произведеніяхъ поэтовъ, съ которыми дѣти знакомились очень рано, заключалось многое несоответствующее дѣтскому возрасту, то заботы Платона были направлены на охраненіе дѣтей отъ вреднаго дѣйствія на нихъ поэтическихъ произведеній.

Все эти совѣты совершенно справедливы и цѣнность ихъ въ значительной степени возвышается тѣмъ, что древніе педагоги придавали воспитанію весьма важное значеніе, признавали созданіе твердаго порядка въ воспитательномъ дѣлѣ одною изъ главнѣйшихъ обязанностей законодателя. Цѣли воспитанію они ставили высокія, благородныя, чуждыя утилитарнаго, узко практическаго характера. Платонъ замѣчаетъ, что часто, желая опорочить или похвалить кого-либо, говорятъ: онъ воспитанъ или не воспитанъ, при чемъ подъ воспитаніемъ разумѣютъ подготовку къ торговой дѣятельности, къ мореплаванію и другимъ безчисленнымъ упражненіямъ, содѣйствующимъ умноженію состоянія, силы или приобрѣтенію какого-либо искусства, но безъ просвѣщенія разума, безъ развитія справедливости. Такое воспитаніе недостойно называться воспитаніемъ. Истинное воспитаніе то, посредствомъ котораго приобрѣтаются желаніе и стремленіе быть совершеннымъ гражданиномъ, умѣть по справедливости управлять и по совѣсти повиноваться. Одни благовоспитанные люди добродѣтельны, и воспитаніе великая не

признать лучшимъ благомъ для людей самыхъ благороднѣйшихъ.

Аристотель полагалъ, что дѣти должны быть допущены къ занятію только тѣми полезными предметами, которые не сдѣлаютъ ихъ простыми ремесленниками. Ремесленнымъ же занятіемъ слѣдуетъ называть такое занятіе и такія искусства и яванія, которыя или тѣло, или душу, или мышленіе свободныхъ людей дѣлаютъ неспособными къ добродѣтельной дѣятельности. Поэтому всѣ тѣ искусства, которыя ухудшаютъ тѣло, равно какъ и всѣ занятія, имѣющія характеръ промисла, суть ремесленныя, такъ какъ они дѣлаютъ человѣка неспособнымъ къ настоящимъ научнымъ упражненіямъ, отупляютъ. Изученіе тѣхъ или другихъ свободныхъ знаній въ извѣстной мѣрѣ не противорѣчитъ интересамъ свободного человѣка, исключительное же занятіе ими не соответствуетъ достоинству свободного гражданина. Большая разниця въ томъ, съ какою цѣлью кто что либо дѣлаетъ: если для себя или друзей, или просто изъ добродѣтели, то въ такомъ случаѣ никакое занятіе не недостойно свободного человѣка; а если то же самое дѣло дѣлаетъ кто-либо по волѣ другихъ, то онъ работаетъ какъ наемникъ или рабъ. Въ жизни необходимы трудъ и досугъ; досугъ предпочтительнѣе труда и есть цѣль всякой дѣятельности. Искать всюду полезнаго совершенно неприлично для людей съ возвышенной душой и свободныхъ по своей природѣ.

Изъ этого взгляда, который раздѣлялъ весь классическій міръ, слѣдуетъ, что всякое погруженіе въ специальность, будетъ ли то искусство или наука, казалось древнимъ грекамъ ремесленничествомъ, недостойнымъ свободного гражданина. Высшею цѣлью воспитанія являлось, такимъ образомъ, преслѣдованіе не специальныхъ узкихъ задачъ и тѣмъ менѣе утилитарныхъ, а широкихъ, гуманныхъ, общечеловѣческихъ, всесторонняго и гармоническаго развитія духа и тѣла, красоты и добродѣтели. Хорошее воспитаніе то, говоритъ Платонъ, — я вся древность въ этомъ соглашалась съ нимъ, — которое даетъ тѣлу и душѣ всю красоту и совершенство, какимъ они только доступны.

102637

V.

Со времени Аристотели и по первый вѣкъ по Р. Х. совершилось большое измѣненіе въ идеяхъ и міровоззрѣніи древняго общества. Прежнее твердое вѣрованіе въ полную естественность и законность рабства поколебалось, а рабство было однимъ изъ главнѣйшихъ устоевъ древняго міра. И Платонъ, и Аристотель находили рабство вполне естественнымъ дѣломъ, по ихъ мнѣнію, «одни по природѣ рабы, а другіе по природѣ свободны... одному полезно быть рабомъ, а другому господиномъ... Природа, желая установить такое различіе между свободными и рабами, дѣлаетъ различіе и между самими ихъ тѣлами. Тѣла рабовъ сильны, такъ что они могутъ быть употребляемы на раяныя работы, необходимы въ живян; а тѣла свободныхъ несогбенны и неспособны на такія работы, зато свободные люди годны для политической жизни». Такія воззрѣнія къ концу I в. по Р. Х. стали колебаться, терять почву, отходить въ область преданій. Рабы все болѣе и болѣе правдивались людьми. Съ отрицаніемъ рабства падало и древнее государство, такъ какъ его строю наносилась этимъ неисцѣлимая рана, возмѣщалось новое начало—свобода личности, какъ наивысшаго блага человека, всевластіе и всемогущество государства по отношенію къ личности ослаблялось. вмѣстѣ съ личностью рабовъ уходила изъ-подъ власти государства и семья, организуясь мало-по-малу на болѣе независимыхъ и свободныхъ началахъ, не составляя лишь органа, служебнаго государству. Такое намѣненіе воззрѣній на отношеніе государства къ личности подрывало въ корнѣ прежнюю государственную педагогику Платона и Аристотеля и пролагало путь новой болѣе свободной и индивидуальной. Педагогъ сталъ обращаться съ своими совѣтами не столько къ государству и законодателямъ, сколько къ семьямъ и родителямъ, какъ совершенно полномочнымъ дѣателямъ по воспитанію дѣтей. Педагогическіе заинтересовываются не только философы, обнимавшіе своимъ умственнымъ взоромъ всю ду-

ховную жизнь народа, изслѣдовавшіе всевозможные вопросы, но и люди другихъ призваній и профессій, преимущественно моралисты (у грековъ) и ораторы (у римлянъ). Оставаясь въ общемъ на прежней государственной точкѣ зрѣнія на воспитаніе, они тѣмъ не менѣе вносятъ новую жизненную струю въ теорію и сообщаютъ ей большую практическую примѣнимость.

Плутархъ (50—125 л. по Р. Хр.).

Плутархъ представляетъ прежде всего тотъ интересъ въ педагогическомъ отношеніи, что отъ него мы имѣемъ особый самостоятельный трактатъ «О воспитаніи дѣтей», тогда какъ у Платона и Аристотеля и у другихъ философовъ педагогическія воззрѣнія наложены не въ особыхъ проповѣдѣніяхъ, а главнымъ образомъ въ трактатахъ, посвященныхъ вопросамъ о государствѣ, а отчасти вопросамъ о нравственности. Плутархъ въ исторіи педагогики является первымъ педагогомъ, особый трактатъ котораго о воспитаніи дѣтей дошелъ до насъ *).

Заботы о воспитаніи, по мнѣнію Плутарха, нужно начинать рано, до рожденія дѣтей. Нужно обратить тщательное вниманіе на выборъ супруги, на ея происхожденіе, потому что тѣ лица, у которыхъ есть недочеты по части хорошей родословной съ отцовской или материнской стороны, нерѣдко страдаютъ всю жизнь и служатъ предметомъ попрековъ и укоронъ. Другой совѣтъ Плутарха супругамъ, желающимъ имѣть хорошихъ и здоровыхъ дѣтей, заключается въ томъ, чтобы они или совершенно воздерживались отъ вина, или же, по крайней мѣрѣ, пили его умеренно.

Общее развитіе человѣка совершается тремя дѣятелями: природнымъ расположеніемъ, обученіемъ и привычкой. Начало

*) Подлинность трактата Плутарха «О воспитаніи дѣтей» подвергается сомнѣнію нѣкоторыми исследователями, другіе же прямо называютъ его псевдоплутарховскимъ. Вопросъ о подлинности педагогическаго трактата Плутарха еще не рѣшенъ, но во всякомъ случаѣ это трактатъ древній и въ духѣ Плутарха.

всему кладець природное расположеніе, развитіе совершается путемъ обученія, а приложеніе изученнаго и вмѣстѣ завершеніе дѣлу даетъ упражненіе, привычка. Природное расположеніе безъ обученія слѣпо, ученіе безъ природнаго расположенія недостаточно, упражненіе безъ двухъ первыхъ несовершенно. Какъ для вoadѣлыванія поля нужны: хорошая почва, опытный земледѣлецъ и хорошія сѣмена, такъ и для воспитанія требуются: природное расположеніе (почва), учитель (земледѣлецъ), ученіе и упражненія (сѣмена). Какой изъ этихъ трехъ дѣятелей всѣхъ важнѣе? Важность природныхъ наслѣдственныхъ расположеній была уже указана, но тотъ ошибся бы, кто бы подумалъ, что самое важное въ дѣлѣ воспитанія природа.

Лѣность, косность уничтожаютъ лучшія природныя дарованія, обученіе же, напротивъ, улучшаетъ и плохія способности; при лѣности и легчайшее кажется неисполнимымъ, а прилежный можетъ сдѣлать самое трудное. Какое великое вліяніе приводитъ на разные существа прилежаніе и работа, объ этомъ свидѣлствуютъ ежедневные факты. Капля долбитъ камень; желѣзо и мѣдь стираются отъ частаго прикосновенія рукъ; колеса, согнутыя съ великимъ трудомъ, не могутъ уже потомъ распрямиться, несмотря на всѣ усилія, которыя могутъ быть приложены для этого: поле, хорошее по своей почвѣ, одичаетъ, если его не будутъ обрабатывать; наоборотъ, неплодное поле, подъ вліяніемъ усиленной культуры, будетъ приносить хорошіе плоды: тѣлесная сила и людей и животныхъ увеличивается отъ упражненія и уменьшается отъ неправильнаго ухода и т. д. Известный лакедемонскій законодатель Ликургъ въялъ однажды двухъ щенковъ, рожденныхъ вмѣстѣ, и воспиталъ ихъ различнымъ образомъ, такъ что одинъ сдѣлался прожорливымъ и лакомкой, а другой—охотничьей собакой. Потомъ въ собраніи лакедемонянъ Ликургъ держалъ такую рѣчь: «Лакедемоняне, я хочу вамъ сейчасъ наглядно показать, какое большое вліяніе оказываютъ на добродѣтель привычка, обученіе, воспитаніе и образъ жизни». Потомъ онъ привелъ обѣихъ собакъ, поставилъ предъ ними съѣстное и залца, а затѣмъ пустилъ ихъ. Одна

собака бросилась за зайцемъ, а другая кинулась на съѣстное. Когда же лакедемоняне не поняли, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, тогда Ликургъ пояснилъ: «эти двѣ собаки одного помета, но воспитаны совершенно различно. Изъ одной вышла прожора, а другая сдѣлалась охотничьей собакой».

Обращаясь къ обсужденію болѣе частныхъ вопросовъ относительно первоначальнаго воспитанія дѣтей, Плутархъ, прежде всего, преподаетъ совѣты о питаніи дѣтей. По его мнѣнію, непременно сами матери должны кормить дѣтей. Молоко есть естественная пища дѣтей и провидѣніе съ мудрою заботливостью далъ женщинамъ по двѣ груди, чтобы онѣ, въ случаѣ рожденія близнецовъ, могли кормить обоихъ, владѣя двойнымъ источникомъ питанія. Кормленіе дѣтей самою матерью, несомнѣнно, сблизитъ дѣтей съ матерью, материнскія любовь и расположеніе къ дѣтмъ возрастутъ отъ такого кормленія. Полагаться на любовь кормилицъ и нянь къ дѣтмъ нечего, такъ какъ все это наемные люди. Если бы самой матери, по слабости здоровья или по другимъ причинамъ, оказалось невозможнымъ кормить дѣтя, то нельзя брать въ кормилицы первую встрѣтившуюся женщину, показавшуюся хорошею и пригодною, но нужно сдѣлать тщательный выборъ и всѣмъ другимъ предпочесть воспитанную въ греческихъ обычаяхъ. Какъ члвкъ тѣла тотчасъ же по рожденіи нужно сообщить надлежащее направленіе, чтобы они выросли прямо и какъ слѣдуетъ, точно такъ же и характеру дѣтей съ самаго начала нужно давать надлежащее направленіе. Дѣтство гибко и способно къ образованію, въ нѣжной дѣтской душѣ ученіе производитъ неизгладимое впечатлѣніе, подобно печати, дающей на мягкіѣ воскѣ. Поэтому Платонъ былъ совершенно правъ, требуя отъ нянь и кормилицъ, чтобы онѣ не всякія сказки разсказывали дѣтмъ, чтобы дѣтская душа не наполнялась съ самаго начала бессмысленными и извращенными представленіями. А такъ какъ безнравственные разсказы взаимствовали очень часто изъ поэтическихъ произведеній, то Плутархъ признавалъ нужнымъ написать особое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Какъ юноша долженъ читать поэтовъ».

Нужно позаботиться и о дѣтскомъ обществѣ, которое будетъ окружать воспитываемую личность, товарищи должны владѣть хорошимъ нравомъ и чисто и отчетливо говорить по-гречески, въ противномъ случаѣ дитя можетъ повзаимствовать у товарищей много непохвальнаго. Справедливо замѣчаетъ пословица: «кто живетъ съ хромыми, тотъ самъ научится хромать». Дѣтей нужно держать подалеже отъ всякихъ неблагопріестойныхъ рѣчей, помни сирапредливое замѣчаніе Демокрита, что слово есть тѣнь дѣла.

У грековъ отъ няни воспитанникъ переходилъ къ педагогу, который сопровождалъ мальчика въ гимназію и палестру, и вообще былъ воспитателемъ, на обязанности котораго, кромѣ внѣшнихъ заботъ и попеченій, лежало и нравственное образованіе дитяти. Въ педагоги обыкновенно выбирался рабъ и очень часто не изъ лучшихъ. Болѣе способные рабы опредѣлялись по ховяйству, торговымъ дѣламъ, по управленію имѣніями или номѣщались матросами на корабляхъ: если же рабъ оказывался непригоднымъ къ такимъ занятіямъ, былъ няница или обжора, его назначали въ педагоги. Плутархъ протестуетъ противъ такого обычая, указывая важность и значеніе дѣятельности педагога для всего воспитанія. Воспитателей и учителей нужно набирать съ крайнею осмотрительностью, людей способныхъ, незапятнаннаго образа жизни и хорошаго характера. При этомъ нечего скупиться на плату. Родители нерѣдко заботятся о томъ, чтобы накопить побольше денегъ дѣтямъ, а о самихъ дѣтяхъ не заботятся. Правъ былъ Аристиппъ, давшій одному такому неблагоураумному родителю весьма тонкій и остроумный отвѣтъ. Родитель спрашивалъ у философа, сколько онъ возьметъ за обученіе его сына. Аристиппъ отвѣтилъ: «тысячу драхмъ». «Это слишкомъ дорого, замѣтилъ родитель, «на такую я могу купить раба». «Купи», отвѣтилъ философъ, «я ты будешь имѣть двухъ рабовъ: того, котораго купишь, и своего сына».

При воспитаніи дѣтей, для ихъ возбужденія, поощренія или высканія, нужно постоянно пользоваться увѣщаніемъ и словами, но никакъ не ударами и строгимъ обращеніемъ. Эти по-

слѣдствіи средства болѣе приличны для воспитанія рабовъ, чѣмъ свободныхъ, брани и боль притупляютъ чувства и отвращаютъ отъ напряженія и работы. При воспитаніи свободворожденныхъ дѣтей нужно прибѣгать болѣе къ похвалѣ и порицанію, чѣмъ къ суровому обращенію, похвала побуждаетъ къ добру, порицаніе отклоняетъ отъ зла. Похвалу и порицаніе нужно прилагать совместно: если дѣтя заходить въ своемъ настроеніи очень далеко, то слѣдуетъ пристыдить его укоризной, а потомъ ободрить похвалою. Не слѣдуетъ похвалами возбуждать въ дѣтяхъ гордость и высокомеріе, къ чему обыкновенно ведутъ преувеличенныя похвалы.

Въ занятіяхъ съ дѣтьми нужно соблюдать мѣру. Нѣкоторые родители, очень любящіе дѣтей и желающіе быстрое продвиженіе ихъ впередъ, обременяютъ ихъ чрезмѣрною работою, вынуждаютъ на слишкомъ усвоенныя занятія. Результатомъ бываетъ потеря охоты и любви къ занятіямъ и упражненіямъ дѣлае ведутся уже только противъ воли. Какъ растение хорошо растетъ при умеренномъ орошеніи и гибнетъ при чрезмѣрномъ, точно такъ же и умъ укрѣпляется умеренною работою и слабѣетъ отъ чрезмѣрной. Поэтому въ жизни дѣтей отдыхъ правильно долженъ чередоваться съ работою, отдыхъ есть истиннѣе работы.

Одна изъ существенныхъ задачъ воспитанія есть развитіе памяти. Память есть сокровищница науки и въ мифологіи Мнемозина (Память) изображается матерью музъ, чтобы показать, что ничто въ природѣ не можетъ такъ хорошо поддержать и даже создать умственное развитіе, какъ память. Припоминаніе прошлыхъ дѣйствій дѣлаетъ насъ благоразумными на будущее время. Поэтому память дѣтей нужно упражнять во всѣхъ случаяхъ, владѣть ля дитя отъ природы хорошею памятью или оно забывчиво. Упраженія усиливаютъ добрыя расположенія и восполняютъ недостатки.

Изложенныя педагогическіе совѣты Плутарха желалъ бы видѣть примѣненными не только при воспитаніи дѣтей богатыхъ, но и бѣдныхъ. Бѣдные люди должны попытаться дать своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе, соответствующее ихъ си-

ламъ; если же это окажется невозможнымъ, то они могутъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать то, что будутъ въ силахъ сдѣлать».

Хотя Плутархъ и посвятилъ особое сочиненіе вопросу о воспитаніи дѣтей, однако его трактатъ представляетъ только постановку и наброски разныхъ педагогическихъ задачъ, отмѣтку трудностей, указаніе главнѣйшихъ воспитательныхъ средствъ, но не разработку ихъ. Мы не исчерпали всего сочиненія Плутарха, ограничившись изложеніемъ его идей о первоначальномъ воспитаніи: все, что касается дальнѣйшаго воспитанія и обученія, оставлено нами безъ разсмотрѣнія. Но сочиненіе Плутарха «О воспитаніи дѣтей» очень небольшое, такъ что въ сочиненіи такого объема можно было поставить вопросы, но не изслѣдовать ихъ. Самая постановка вопросовъ обыкновенно не вполне исчерпываетъ предметъ. Такъ Плутархъ различаетъ трехъ дѣятелей въ воспитаніи: природное расположеніе, обученіе и упражненіе. Но не всѣ дѣятели исчислены, послѣдніе два составляютъ собственно одного, а могучее вліяніе внѣшней природы и окружающаго воспитываемую личность человѣческаго общества съ его міровоззрѣніемъ, характеромъ, обычаями, со всѣмъ не упомянуто. Значеніе природнаго расположенія въ дѣлѣ воспитанія оцѣнено крайне слабо и недостаточно, а вліяніе обученія преуменьшено.

Совершенно справедливо Плутархъ указывалъ на важную роль педагоговъ въ воспитаніи дитяти и на необходимость строгаго и тщательнаго выбора лицъ, которымъ поручается нравственный надзоръ за дѣтями и его нравственное образованіе. Съ нѣкоторыми измѣненіями высказанныя по этому предмету Плутархомъ мысли имѣютъ еще современное значеніе. Точно также совершенно справедливы его замѣчанія о серьезномъ вредѣ для дѣтей чрезмѣрныхъ занятій и о важности похвалы и порицанія, какъ педагогическихъ средствъ. Эта послѣдняя мысль нашла потомъ у Локка болѣе широкое развитіе. Обо всемъ у Плутарха говорится очень кратко, о многомъ, напр., воспитаніи воли, характера, религіозности, со всѣмъ не говорится и вообще воспитательныя задачи болѣе ставятся, чѣмъ разрѣшаются.

VI.

Квинтиліанъ (1-й в. по Р. Х.).

У латинскихъ писателей мы не находимъ такихъ связанныхъ педагогическихъ системъ, какія мы имѣемъ у греческихъ писателей; въ частности болѣе или менѣе стройнаго ученія о первоначальномъ воспитаніи у латинскихъ писателей также не встрѣчается. Исключеніе составляетъ одинъ Квинтиліанъ, который въ своемъ обширномъ трудѣ о воспитаніи оратора и объ ораторствѣ даетъ стройную педагогическую систему, останавливаясь и на вопросахъ первоначальнаго воспитанія. Поэтому изъ всѣхъ римскихъ писателей о воспитаніи мы возложимъ взглядъ одного Квинтиліана.

Собственно въ своемъ трудѣ Квинтиліанъ имѣлъ въ виду воспитаніе оратора, такъ какъ въ Римѣ ораторскій талантъ цѣнился очень высоко; но пониманіе Квинтиліаномъ свойствъ оратора и его положенія въ общественно-государственной жизни было очень широко. По мнѣнію Квинтиліана, нельзя сдѣлаться совершеннымъ ораторомъ, не будучи напередъ вполне хорошимъ человекомъ; отъ оратора требуется не только краснорѣчіе, но и вообще всѣ душевныя качества. Человѣкъ истинно полезный своимъ согражданимъ, способный къ веденію частныхъ и общественныхъ дѣлъ, способный подавать мудрыя государственныя совѣты, предлагать законы, реформировать государство новыми установленіями—вотъ ораторъ. Такимъ образомъ совершенный ораторъ, по взгляду Квинтиліана, есть идеальное общественно-государственное дѣятеля, а не человѣкъ, владеющій специальнымъ талантомъ краснорѣчія.

Воспитаніе такого дѣятеля должно начинаться очень рано. Птица родится съ способностью къ летанію, лошадь къ бѣганью, а человѣкъ къ мышленію и дѣятельности. Поэтому раннее начало воспитанія будетъ отвѣчать природѣ дитяти; неспособныя къ нему дѣти составляютъ исключеніе. У многихъ дѣтей наблюдается такое явленіе: въ первые годы жизни они подадутъ

надежду сдѣлаться талантивыми людьми, а съ возрастомъ эта надежда исчезаетъ. Въ такихъ случаяхъ виновата не природа, а недостатокъ хорошаго воспитанія.

Прежде всего, нужно озаботиться выборомъ хорошихъ кормилицъ, а отъ кормилицъ нужно требовать наиболѣе всего, чтобы у нихъ не было недостатковъ въ языкѣ. Будущій ораторъ первоначально услышитъ ихъ рѣчь и будетъ говорить по примѣру ихъ. А первыя впечатлѣнія бываютъ очень глубокими, въ частности неблагопріятныя впечатлѣнія оставляютъ по себѣ наиболѣе прочныя слѣды.

Что касается самихъ родителей, то очень желательно, чтобы они были люди просвѣщенные и искусные въ рѣчи. Это пожеланіе относится не только къ отцамъ, но и къ матерямъ. Известно, какое глубокое вліяніе оказало краснорѣчіе Корнелия на краснорѣчіе ея сыновей Гракховъ. Сверстники будущаго оратора также должны обладать хорошою рѣчью, а учителя быть людьми истинно просвѣщенными. Самое меньшее, что должны выполнять родители по отношенію къ дѣтямъ, это удалить отъ нихъ все дурное и неправильное.

Дитя должно начинать учиться говорить на греческомъ, а не на латинскомъ языкѣ. Латинскій языкъ обыченъ, ему учатся шутя, невольно, а между тѣмъ первые элементы наукъ заимствуются отъ грековъ, которые были учителями римлянъ. Впрочемъ не нужно слишкомъ долго и слишкомъ исключительно заниматься греческимъ языкомъ, на немъ только говорить и читать, какъ это обыкновенно дѣлается. Это неудобно, такъ какъ отъ такого пристрастія къ греческому языку пріобрѣтается нѣкоторый иностранный акцентъ въ произношеніи. Латинскій языкъ долженъ скоро слѣдовать за греческимъ и эти два языка должны составлять предметъ совмѣстнаго обученія дитяти, при чемъ одинъ не будетъ вредить другому.

Нѣкоторые полагаютъ, что нельзя начинать обученіе дѣтей грамотѣ ранѣе семи лѣтъ, потому что до этого возраста дѣти не владѣютъ достаточнымъ пониманіемъ. Но лѣтъ твердыхъ основаній терять столько времени даромъ: пусть дитя дѣлаетъ пріобрѣтенія, которыя можетъ, и какъ бы малы они ни

были, до семи лѣтъ оно пріобрѣтеть цѣлый духовный капиталъ, который позднѣе сдѣлается важнымъ для человѣки подспорьемъ. Не нужно запаздывать обученіемъ тому, что всѣ должны знать. Обученіе чтенію требуетъ только памяти, а память у дѣтей есть, и даже очень хорошая. Само собой разумѣется, не нужно требовать отъ дитяти въ этомъ необходимомъ возрастѣ очень многого, чтобы не возбудить отвращенія къ ученію; пусть ученье будетъ для него игрой. Поэтому полезно давать дѣтямъ въ видѣ игрушекъ буквы, сдѣланныя изъ слоновой кости, и подобныя бeadышки, забавляющія дитя, которыя ему пріятно было бы видѣть, брать въ руки, называть.

Первоначальное обученіе дѣтей должно быть поручаемо вѣснѣе способнымъ людямъ. Филиппъ македонскій поручилъ обученіе чтенію своего сына Александра одному изъ величайшихъ философовъ Аристотелю, а послѣдній ваялъ на себя исполненіе такого порученія. Очевидно, и тѣмъ и другимъ руководило сознаніе важности первоначальнаго обученія и необходимости вѣрять его лицамъ вполнѣ благонадежнымъ. Впрочемъ торопиться при обученіи чтенію не слѣдуетъ. При обученіи письму полезно давать прописки съ нравственными сентенціями. Въ дѣтствѣ преимущественно упражняется память, а нравственныя сентенціи, твердо впечатлѣльныя въ дѣтской памяти, благотворно вліяютъ на нравы.

Какое воспитаніе предпочтительнѣе: семейное или общественное (школьное)? Къ преимуществамъ семейнаго воспитанія относятся слѣдующія: болѣе удобное въ семьѣ предохраненіе дитяти отъ пороковъ и лучшая возможность обученія, такъ какъ вниманіе учителя сосредоточено только на одномъ ученикѣ, а не раздѣлено между многими.

Особенно важное значеніе Квинтиліанъ даетъ первому доводу, потому что несравненно полезнѣе научиться хорошо жить, чѣмъ хорошо читать: но этотъ доводъ не безусловно справедливъ. Семья представляетъ много темныхъ сторонъ въ нравственномъ отношеніи: среда злыхъ и испорченныхъ рабовъ, изнѣживаніе дѣтей, часто встрѣчающееся въ семьяхъ, домашніе пиры, любовныя сцены—все это не особенно благо-

пріятныя условія для нравственнаго развитія. Что же касается собственно обученія, то большинство предметовъ обученія такого рода, что имъ можно обучать одновременно многихъ. Притомъ для учителя большая разица: обучать одного или многихъ. Постоянно заниматься съ однимъ скучно, однообразно, тогда какъ цѣлый классъ учащихся возбуждаетъ энергію учителя. У учащихся вмѣстѣ возникаетъ соревнованіе, они поддерживаютъ взаимное рвеніе. Притомъ будущему оратору нужно знать людей, умѣть обращаться съ ними, а для этого роста на людяхъ, а не одному. Да и можно ли развитъ въ себѣ даръ краснорѣчія, говоря рѣчи только для себя?

Воспитателю и учителю нужно умѣть распознавать дѣтей, ихъ душевный складъ, ихъ характеръ, особенности ихъ ума. Главный признакъ для опредѣленія дѣтскаго ума есть память—легко ли она усвоитъ и хорошо ли удерживаетъ. Ближе къ памяти подходитъ способность подражанія. Дитя съ хорошею памятью и живо подражающее понимаетъ безъ труда, чему его учить, само спрашиваетъ: но слѣдуетъ замѣтить, что умы скороспѣлыя почти никогда не достигаютъ вѣрности. У дѣтей такого типа нѣтъ настоящей силы, ихъ знанія не имѣютъ глубокихъ корней; всѣ таланты и свойства скороспѣлыхъ можно сравнить съ цвѣтами, посаженными на поверхности почвы, которыя быстро развиваются, но быстро желтѣютъ и отцвѣтаютъ. Есть дѣтскія натуры другого склада, легко подчиняющіяся или съ большимъ трудомъ. Наиболѣе привлекательное дитя то, которое чувствительно къ похвалѣ, котораго слава воспламеняетъ, у котораго неудача вызываетъ слезы. Укоръ дѣйствуетъ на такихъ дѣтей очень сильно, честь имъ дорога, словомъ, это благородныя натуры.

Нужно заботиться о достаточномъ отдыхѣ дѣтей, о смѣнѣ работы и покоя, о возобновленіи силъ на новую работу. Время отдыха можетъ быть заполнено играми. Дитя, принимающее слабое участіе въ играхъ, мало внушаетъ довѣрія къ своей будущей дѣятельности. Между играми нѣкоторыя особенно упражняютъ умъ, когда предлагаются различныя маленькія задачи для разрѣшенія: другія игры особенно хорошо обнару-

живаютъ преобладающія склонности дѣтей. Игры и всѣмъ дѣтскимъ возрастомъ, когда дитя еще ничего не умѣетъ скрывать, когда оно легко слушается голоса учителя, нужно воспользоваться, чтобы приучить дитя ко всему доброму, сообразить всей его дѣятельности надлежащее науровненіе.

Поворяція тѣлесныя наказанія, удары и побои должны быть устранены, они приносятъ лишь вредъ. Воспитаніе посредствомъ тѣлесныхъ наказаній есть рабское воспитаніе, оно опрочуждаетъ дитя. Если учителя или воспитатели будутъ прибѣгать къ такимъ средствамъ воздѣйствія на маленькихъ дѣтей, то что же будутъ они дѣлать съ дѣтьми болѣе старшихъ возрастовъ? А между тѣмъ дурные наставники очень часто превосходятъ всякую мѣру въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній. Вообще такія наказанія имѣютъ свой источникъ въ нерадѣніи и малоспособности учителей, такъ какъ учителя наказываютъ дѣтей не затѣмъ, чтобы побудить ихъ поступать хорошо, а за то наказываютъ, что они не поступили хорошо.

Собственно обученіе дѣтей возможно вести безъ всякихъ поворящихъ наказаній еще и потому, что дѣти могутъ одновременно учиться нѣсколькимъ предметамъ. Нѣкоторые считаютъ это очень труднымъ и даже непосильнымъ дѣтямъ и защищаютъ строго послѣдовательный порядокъ въ обученіи. Такія опасенія неосновательны, такъ какъ дѣтская природа чрезвычайна гибка и дѣтельна, снабжена способностью обнимать многое однимъ взглядомъ и можетъ заниматься нѣсколькими предметами не только въ одинъ и тотъ же день, но и въ то же самое мгновеніе. Играющій на какомъ-либо инструментѣ одновременно дѣйствуетъ и руками, и зрѣніемъ, и слухомъ, и памятью; нерѣдко ноги также не остаются въ покоѣ и отбиваютъ тактъ. Отчего же не упражняться одновременно во многомъ и дѣтямъ? Неужели имъ нужно приступить къ послѣдующему занятію только тогда, когда будетъ изучено и даже позабыто предыдущее? Человѣческій духъ владѣетъ удивительною гибкостью, прежде чѣмъ годы не огрубятъ его органы.

Такимъ образомъ двѣ главныя идеи лежатъ въ основѣ пе-

дагогическихъ взглядовъ Квинтилиана: воспитаніе серьезное, истинное есть воспитаніе оратора, и слѣдствіе чего заботы о развитіи и правильности рѣчи должны занять самое видное мѣсто; но хорошій ораторъ непременно долженъ быть вмѣстѣ и хорошимъ человекомъ, виднымъ общественно-государственнымъ дѣятелемъ, почему и долженъ получить широкое и равностороннее образованіе. Исходя изъ этого послѣдняго воззрѣнія, Квинтилианъ и обсуждаетъ вопросъ о примѣненіи всего образованія къ личнымъ особенностямъ питомцевъ. Различіе умовъ не менѣе велико, чѣмъ различіе лицъ, однихъ имѣетъ природныя способности къ одному роду занятій, другой—къ другому. Обученіе и воспитаніе должны считаться съ этими естественными расположеніями дѣтей и помогать ихъ развитію. Но было бы ошибочно думать, что вся задача воспитанія и исчерпывается примѣненіемъ къ природнымъ способностямъ, такъ какъ въ этомъ требованіи заключается часть истины, но не вся истина: нужно развивать всѣ способности дитяти, а не какую-либо часть ихъ; дитя, долженствующее поводить себя сдѣлаться ораторомъ, должно упражняться и въ трудныхъ для него вещахъ, которыя поменьку и сдѣлаются для него доступными. Это не значитъ идти противъ природы, а значить всесторонне развивать дитя, укрѣплять слабыя способности, не забывая о сильныхъ, и тѣмъ умножать дѣтскія силы и качества. «Когда знаменитый Исократъ говорилъ, упоминая объ Эфорѣ и Теопомпѣ, что одинъ нуждается въ удѣ, а другой въ пиорахъ, думалъ ли онъ, что учитель долженъ поощрять медленность одного и пылкость другого? Не признавалъ ли онъ, напротивъ, что указанныя естественныя особенности должны быть соединены и слиты вмѣстѣ?»

Такимъ образомъ воспитаніе оратора должно быть широкимъ и равностороннимъ. охватывать всю природу воспитываемаго, не исключая и слабыхъ его способностей, которыя должно стараться укрѣпить и усилить. «Искусство краснорѣчія подобно искусству играть на лирѣ: оно можетъ быть совершеннымъ только тогда, когда всѣ струны издаютъ правильныя, гармоническіе звуки всѣхъ тоновъ».

VII.

Теорія и практика первоначальнаго воспитанія въ классической древности.

Выдающаяся черта классическихъ идей о первоначальномъ воспитаніи есть признаніе неразрывной связи между воспитаніемъ и жизнью государства. государственныи характеръ воспитанія, съ особенною силою выразившійся въ теоріяхъ Платона и Аристотеля, смягченный, но не исчезнувшій въ теоріяхъ Плутарха и Квинтиліана. Классическая теорія въ этомъ отношеніи была вѣрнымъ отраженіемъ греческой и римской практики.

Воспитаніе древнихъ отличалось строго государственнымъ характеромъ, главнѣйшею задачею признавалось приготовленіе хорошаго во всѣхъ отношеніяхъ гражданина, по указаніямъ государства. Государственность воспитанія наиболѣе рельефно осуществилась у дорійскаго племени, представительницею котораго была Спарта. Тамъ воспитывались только дѣти здоровыя, крѣпкія, обѣщавшія повдѣе едѣяться сильными и выносливыми гражданами и гражданиками: слабыя же дѣти бросались на произволъ судьбы и часто погибали. Рѣшеніе—воспитывать или бросить дитя зависѣло отъ особой коллегіи уполномоченныхъ государствомъ, а не отъ родителей. При воспитаніи самыя серьезныя заботы направлялись на физическое укрѣпленіе: строгія умѣренность и даже суровость всей обстановки, обиліе всевозможныхъ тѣлесныхъ упражненій, развитіе выносливости в мужества, умѣнье спокойно переносить лишенія и страданія—самыя видныя черты спартанскаго воспитанія. О духовномъ образованіи спартицы заботились не особенно много, для нихъ главная задача заключалась не во всестороннемъ развитіи человека, а въ воспитаніи въ немъ, при силѣ, красотѣ и ловкости тѣла, практической смѣтливости и рѣшительности, умѣнья вытисъ въ затруднительномъ случаѣ и говорить кратко и мѣтко. Съ семилѣтняго возраста маль-

чки отбирался отъ родителей и воспитывался въ государственныхъ заведеніяхъ подъ надзоромъ особо приставленныхъ лицъ и въ всякой зависимости отъ родителей. Дѣвочки воспитывались приблизительно такъ же, какъ и мальчики, т. е. въ видахъ государства, чтобы давать ему крѣпкихъ и сильныхъ гражданъ. Поэтому дѣвочки ревностно занимались физическими упражненіями и нерѣдко состязались въ гимнастикѣ съ мальчиками публично. Вообще платоновскіе идеалы о воспитаніи нашли себѣ примѣненіе въ значительной степени въ Спартѣ, точнѣе, спартавское воспитаніе послужило фактической основой платоновской педагогической теоріи.

Въ Афинахъ, у іонянъ, не было такого сильнаго давленія государства на воспитаніе, какъ въ Спартѣ, школы не были государственными учрежденіями и семья имѣла большее значеніе въ воспитаніи, при чемъ общія государственныя цѣли воспитанія—при отовленіи хорошихъ гражданъ—сохранялись. Мѣсто власти государства въ Афинахъ заступила большая власть родителей, на что въ педагогическихъ теоріяхъ указавшій нѣтъ. Родитель имѣлъ право рѣшить вопросъ: будетъ онъ воспитывать родившееся дитя или нѣтъ. Если онъ не хотѣлъ нести труда и издержекъ по воспитанію дитяти, то оно подкидывалось. Обычай подкидыванія былъ очень распространенъ въ Греціи и Римѣ: подкидывались здоровыя и хорошо сложенныя дѣти, особенно бѣдняками; чаще всего подкидывались дѣвочки, такъ какъ при выдачѣ дѣвушекъ замужъ нужно было снабжать ихъ приличнымъ приданымъ. Поэтому въ одной древней комедіи говорится: «мальчика хочетъ воспитывать и бѣдный, дѣвочку подкидываетъ даже богачъ». Вообще греки и римляне видѣли въ ребенкѣ свое твореніе и не признавали ответственности родителей. Въ первоначальномъ воспитаніи дѣтей отцы принимали весьма малое участіе, это дѣло находилось на поличеніи матерей.

Практика первоначальнаго воспитанія въ Греціи правильно описана въ греческихъ теоріяхъ. Кормленіе дѣтей совершалось у дорянъ самими матерями, а въ іонійскихъ государствахъ или матерями, или кормилицами; послѣднее, конечно, только въ до-

статочныхъ классахъ. Кормилицами обыкновенно бывали рабыни, но иногда и бѣдные гражданки. Въ Аѳинахъ особенно цѣнились кормилицы изъ Спарты. По окончаніи кормленія, дѣти поступало подъ надзоръ няни, обыкновенно пожилой женщины, неспособной къ другимъ занятіямъ. До семи лѣтъ мальчики и дѣвочки воспитывались вмѣстѣ: послѣ этого возраста ихъ воспитаніе раздѣлялось: дѣвочки оставались въ семьѣ и подъ надзоромъ матери приучались къ хозяйству, а интеллектуальное образованіе получали слабое: мальчики же посѣщали палестры и гимназии подъ руководствомъ приставленныхъ къ этому дѣлу рабовъ-педагоговъ, выбравшихся обыкновенно изъ такихъ лицъ, которыя не годились къ хозяйственной службѣ.

Главными средствами первоначальнаго семейнаго воспитанія служили увѣщаніе и примѣръ. Сократъ въ Платоновскомъ Протагорѣ говоритъ: «няня, мать, педагогъ и самъ отецъ стараются о томъ, чтобы мальчикъ развивался наилучшимъ образомъ: между тѣмъ какъ они при каждомъ его дѣйствіи и словѣ научаютъ его и показываютъ ему, что справедливо и что несправедливо, что хорошо и что дурно, что благочестиво и что безбожно, что это нужно дѣлать, а того не дѣлать». Въ видахъ воздержанія дѣтей отъ шалостей и дурныхъ поступковъ ихъ пугали разсказами о разныхъ мстительныхъ существахъ, которыя питаются человѣческимъ мясомъ, похищаютъ маленькихъ дѣтей, высасываютъ изъ нихъ кровь и т. п. Дѣтей болѣе возрастныхъ били. Для развлеченія и назиданія дѣтей разсказывали имъ мифическія событія о дѣяніяхъ боговъ и богинь, о приключеніяхъ героевъ и героинь, басни, сказки. Содержаніе *Иліады* и *Одиссеи* было довольно хорошо паяфетно греческимъ дѣтямъ. Въ разсказахъ было много не соответствующаго дѣтскому возрасту, неприличнаго и даже прямо безнравственнаго, потому что разсказы не выбирались съ должною осмотрительностію, а няни и педагоги были сами совершенно необразованны. Отсюда понятны жалобы греческихъ писателей о воспитаніи на тотъ предѣлъ, который причинялся дѣтямъ передаваемыми имъ разсказами.

Одно явленіе очень выдается въ практикѣ классическаго воспитанія, которое было также обстоятельно отмѣчено въ древнихъ теоріяхъ воспитанія—дѣтскія игры. Всѣ писатели, взгляды которыхъ на воспитаніе мы илагаемъ, касаются вопроса о дѣтскихъ играхъ, приданая послѣднимъ весьма важное значеніе. Въ данномъ случаѣ теорія только узаконила то, что было въ практикѣ: дѣтство греческихъ и римскихъ мальчишекъ и дѣвочекъ было богато играми, занимавшими въ ихъ жизни видное мѣсто, въ распоряженіи подрастающаго поколѣнія было множество игрушекъ. Можно сказать, что почти всѣ игрушки нашихъ дѣтей были извѣстны въ классической древности, каковы: гремушки, свистульки, обручи, лошадки, колесницы, мячи, кубари, бабки, посуда, куклы; греческія и римскія дѣти играли съ различными домашними животными, съ водой, были въ употребленіи у дѣтей хороводы, бѣгъ и безчисленное множество всякихъ другихъ игръ. Словомъ, игрушки и игры процвѣтали въ Греціи. Извѣстно, что въ Греціи и Римѣ игры любили не только дѣти, но и взрослые. Дѣти, достигая юношескаго возраста и оставляя дѣтскія игрушки и куклы, обыкновенно посвящали ихъ богамъ «Филоклъ посвящаетъ телѣ, о Гермесъ, свой прыгающій мячикъ, звучную трещотку изъ самшита, бабки, которыя онъ такъ любилъ, и быстрый кубарь, игрушки своей юности». «Тимарета, предъ вступленіемъ въ замужество, посвящаетъ Артемидѣ Лимнетской свои бубны, свои любимыя мячъ и сѣтку, которая покрывала ея волосы. Она, дѣвица, посвящаетъ богинѣ—дѣвѣ свои куклы, также дѣвственныя, и наряды куколъ». Объ отдѣльныхъ дѣтскихъ играхъ и игрушкахъ были написаны въ древности особыя изслѣдованія, къ сожалѣнію, до насъ не дошедшія (перечисленіе ихъ см. въ предисловіи сочиненія Бекъ-де Фукьера, ниже поименованномъ).

Что касается римскаго воспитанія, то оно изображено у Квинтилиана уже въ эпоху императоровъ подъ весьма значительнымъ влияніемъ греческой культуры, когда римскія національныя черты начали уже утериваться; притомъ личныя мнѣнія Квинтилиана о первоначальномъ воспитаніи были очень широки и гуманны, часто опережали римскую дѣйствитель-

ность весьма далеко. Но общій тонъ римскаго воспитанія—служение государству, сохранился у Квинтилиана. Римское воспитание издавна отличалось нѣкоторою односторонностью и приближалось къ спартанскому: выносливость и мужество на войнѣ, простота и твердость семейнаго и общественнаго порядка въ мирное время—вотъ задачи древняго римскаго воспитанія; образование же римлянъ было незначительно. Власть отца въ Римѣ была очень велика: римское государство предоставило воспитание и обучение дѣтей семьѣ въ томъ убѣжденіи, что семья лучше, чѣмъ кто-либо другой, привьетъ дѣтямъ римскія доблести и подготовитъ юныя поколѣнія къ государственной дѣятельности. И государство не обманулось: римская семья была устроена твердо, проникнута весьма серьезнымъ настроеніемъ, обставлена просто. Религіозное воспитание дѣтей занимало весьма видное мѣсто; родители принимали непосредственное и самое дѣятельное участіе въ воспитаніи дѣтей; кормилицы, воспитатели—греки—все это позитивнѣе явленіе въ римской жизни. Изъ древнихъ римскихъ семействъ выходили люди крупніе тѣломъ и мужественные духомъ, съ простымъ образомъ жизни и безгранично преданные своему отечеству.

Такимъ образомъ между классическими теоріями о первоначальномъ воспитаніи дѣтей и классической практикой оказывается полная гармонія.

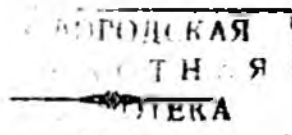
Относительно изложенныхъ нами теорій о первоначальномъ воспитаніи дѣтей мы считаемъ не безполезнамъ сдѣлать еще слѣдующія замѣчанія.

1. Педагогія древнихъ, весьма тѣсно связанная съ ихъ соціологіей и этикой, была мало связана съ психологіей. Для классической педагогіи психологія еще не служила основой, да и самая психологія была развита въ то время очень слабо, только что начиналась.

2. Въ педагогіи древнихъ были очень правильно подмѣчены и прекрасно выражены нѣкоторыя весьма важныя стороны и явленія воспитательной дѣятельности, именно: а) вліяніе наследственныхъ свойствъ на все развитіе дѣтей; б) необходимость питанія младенцевъ материнскимъ молокомъ; в) важное

значеніе дѣтскихъ игръ и равнобравныхъ движеній; г) вредное вліяніе безнравственныхъ разсказовъ и сказокъ; д) необходимость серьезнаго вниманія при выборѣ кормилицъ, нянь и первоначальныхъ учителей; е) вредъ тѣлесныхъ наказаній и вліятельность похвалъ и порицаній; ж) сознаніе необходимости начинать воспитаніе очень рано и вести его систематически и з) сознаніе необходимости приспособлять все воспитаніе къ личнымъ особенностямъ воспитываемыхъ.

3. Вышеприведенныя частныя положенія классической педагогики представляютъ собою простыя эмпирическія обобщенія, по большей части краткія, развитыя весьма не широко и не обоснованныя научно. Напримеръ, вліяніе родительскихъ свойствъ на дѣтей, сущность дѣтскихъ игръ, необходимость ранняго начала воспитанія и т. д. не объяснены и не доказаны научно и не изложены обстоятельно, а только подмѣчаны и подкрѣплены нѣсколькими примѣрами. Многія важныя стороны въ первоначальномъ воспитаніи—эстетическое воспитаніе, религіозное, нравственное въ тѣсномъ смыслѣ слова, характера—мало затронуты въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ, хотя и занимали довольно видное мѣсто въ педагогической практикѣ. Вообще вся теоретическая педагогія классической древности имѣетъ болѣе характеръ постановки педагогическихъ задачъ, чѣмъ ихъ разрѣшенія, болѣе простого эмпирическаго обобщенія фактовъ, чѣмъ серьезной научной обработки ихъ.

13-й выпускъ. П. А. Литвинскій. Игрушки, ихъ назначеніе и выборъ. Ц. 30 к.

14-й выпускъ. М. Д. Вань-Путеревъ. Нормальная дѣтская. Ц. 20 к.

15-й выпускъ. Д-ръ А. С. Виреніусъ. Искривленіе позвоночника. Ц. 30 к.

16-й выпускъ. А. К. Димбергъ. Уходъ за зубами. Ц. 30 к.

17-й выпускъ. П. Ѡ. Каптеревъ. О дѣтской природѣ. Ц. 30 к.

18-й выпускъ. Протоіерей А. И. Малларевскій. Религіозное воспитаніе въ семьѣ. Ц. 30 к.

19-й выпускъ. Э. Л. Брейтфусъ. Семейное воспитаніе въ Германіи. Ц. 30 к.

20-й выпускъ. Д-ръ В. В. Гориневскій. О закаливаніи человѣческаго организма, какъ средствъ воспитанія. Часть первая. Теорія закаливанія. Ц. 30 к.

21-й выпускъ. Д-ръ В. В. Гориневскій. О закаливаніи человѣческаго организма, какъ средствъ воспитанія. Часть вторая. Практика закаливанія. Ц. 30 к.

22-й выпускъ. А. Н. Острогорскій. Объ отношеніи семьи къ школѣ. Ц. 30 к.

23-й выпускъ. Д-ръ В. В. Гориневскій. О нормальной дѣтской обуви. (Съ 12 рис.). Ц. 30 к.

23-й выпускъ. Д-ръ В. В. Гориневскій. О нормальной дѣтской обуви. (Съ 12 рис.). Ц. 30 к.

24-й выпускъ. П. Ѡ. Каптеревъ. Идеи о первоначальномъ воспитаніи въ классической древности. Ц. 30 к.

25-й выпускъ. А. Н. Филипповъ. О физическихъ упражненіяхъ дѣтей. Ц. 30 к.

Печатаются слѣдующіе выпуски «Энциклопедіи».

Отъ завѣдывающаго изданіемъ:

Гг. подписчики, внесшіе 5 р., по полученіи 25-го выпуска должны слѣлать второй взносъ въ 4 рубля. Деньги слѣдуетъ адресовать такъ: въ С.-Петербургъ, Моговая, 1, Алексию Николаевичу Аммедискину.

56

25

78

«РОДИТЕЛЬСКИИ КРУЖОКЪ»

при педагогическомъ музеѣ в.-учебн. завед. въ Спб.

Издается подъ общей редакціей П. Э. Каптерева

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ,

обнимающая всѣ, по возможности, вопросы воспитанія и обученія дѣтей, преимущественно дошкольнаго возраста. Она выходитъ отдѣльными выпусками, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ одну или двѣ законченныя статьи по извѣстному вопросу.

Одобрена и допущена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Одобрена Учебнымъ Комитетомъ Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

Складъ издавія въ книжномъ магазинѣ типографіи Ж. Ж. Стасюлевича.
Спб. Вас. Остр., 5 л., 28.

Для желающихъ получать „Энциклопедію“ по мѣрѣ выхода

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на слѣдующихъ условіяхъ: за всю „Энциклопедію“ съ доставкою и пересылкою 12 рубл., при чемъ допускается разсрочка: при подпискѣ 9 руб. и по полученіи 50 выпуска—3 руб.

Подписавшіеся—немедленно получаютъ всѣ вышедшіе выпуски.

При продажѣ отдѣльныхъ выпусковъ и по выходѣ всей „Энциклопедіи“ цѣна повышается.

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ слѣдуетъ высылать на имя за-вѣдывающаго издавіемъ „Энциклопедіи“: *Алексѣю Николаевичу Альмедимену*. въ С.-Петербургѣ, Моховая, д. 1.